

Академик В. В. Струве

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В исследовании проблем истории древнего Востока советская историография проделала трудный путь преодоления господствующих в буржуазной науке неверных концепций и достигла заметных результатов.

Советские историки древнего Востока смогли доказать на конкретном историческом материале плодотворность применения марксистско-ленинского учения об основных типах производственных отношений для решения центральной проблемы об общественном строе народов Передней Азии и долины Нила в далеком прошлом. Лишь следуя руководящим указаниям Ленина и Сталина, советские исследователи первых по времени цивилизаций могли преодолеть и реакционность немецкой идеалистической философии и вскрыть сущность циклической концепции Эд. Мейера.

В преодолении некоторых моментов концепции названного крупного немецкого историка помогло, несомненно, и великое наследие русской науки, и в первую очередь исследования знаменитого русского историка, академика Б. А. Тураева, автора классического труда «История древнего Востока». Даже в настоящее время во всемирной научной литературе нет исторического труда, созданного индивидуальным автором, который был бы столь всеобъемлющим, как «История древнего Востока» Б. А. Тураева¹. Географический кругозор ее, следуя определению самого автора, простирается от Кавказского хребта и Средней Азии до Персидского залива, Южной Аравии и страны африканских озер, от рубежа Ирана и Индии до «Иракловых столпов», а во времени изложение «Истории древнего Востока» начинается с самой глубокой древности и завершается эпохой позднего эллинизма. На всем протяжении своего громадного труда Тураев остается самостоятельным исследователем. Весьма характерной особенностью его научного творчества было стремление к независимости по отношению

¹ «История древнего Востока» выросла из литографированного курса лекций Б. А. Тураева. В 1911 г. она была напечатана в виде большого двухтомного труда. В 1913 г. курс был переиздан в еще более расширенном и углубленном виде, обнимая собой два больших тома в 400 страниц каждый. В 1917 г. было сдано в печать новое, расширенное и углубленное, издание его труда 1913 г., пополненное, между прочим, новой ценной главой по истории Ирана эпохи Сассанидов. К сожалению, лишь в 1924 г. первая часть данного труда под названием «Классический Восток», обнимавшая историю Вавилонии до XVI в., была напечатана издательством Брокгауз-Эфрона. Полностью же он был опубликован в 1935 г. в 2-х томах ленинградским отделением Социально-экономического издательства под первоначальным своим названием «История древнего Востока».

к модным теориям, господствовавшим в современной ему историографии. Поэтому Тураев был одним из немногих историков, которые не поддались чарам откровений ассириологов берлинской школы, творцов пресловутого панвавилонизма, объявившего Вавилон учителем всего мира, не исключая Китая и доколумбовской Америки. Он не соглашался с одним из основных положений панвавилонизма, а именно с утверждением, что культура и религия Израиля целиком зависела от культуры и религии древнего южного Междуречья. Тураев не мог разделять подобную установку, отрицающую какое-либо значение древней культуры еврейского народа, — ведь данная установка, перекликающаяся с реакционной книгой Чемберлена «Основы XX века», легла в основу человеконенавистнической расовой теории фашизма. Тураев был противником расовой теории и в той смягченной формулировке ее, которую мы находим в трудах Эд. Мейера. Так, он никак не мог согласиться с утверждением Эд. Мейера о решающем значении для нашей культуры первоначального предрасположения и способности племени (Volksstamm), т. е., по существу, значения крови, расы¹. Прямую полемику с положением Эд. Мейера, что первоначальное предрасположение племени сохраняется через все перемены исторического развития, мы находим в указании Тураева, что «иранцы и индусы представляют резкий пример того, когда два народа, находясь в тесном родстве, под влиянием географических и исторических условий могут сделаться не только не похожими друг на друга, но даже противоположными один другому»².

В труде Эд. Мейера Тураева смущала также модернизация исторического построения, ибо модернизация являлась в его глазах несомненным пороком исторического труда³. Поэтому он мог подходить к интерпретации материала более объективно, нежели Эд. Мейер. Так, Тураев устанавливает вполне закономерно в судебнике Хаммурапи одни лишь рабовладельческие отношения⁴ в противоположность Эд. Мейеру, который находит в названном судебнике какие-то указания на наличие крепостных отношений в вавилонском обществе⁵.

Велико было значение Б. А. Тураева как издателя тех древневосточных памятников, которые хранились в русских собраниях. Подобно другим великим русским ученым — египтологу В. С. Голенищеву, семитологу П. К. Коковцову и ассириологу М. В. Никольскому, Тураев считал своим долгом создавать научную действительность сокровищам отечественных музеев. Он знал языки ведущих обществ древнего Востока, и поэтому ему открывали свои тайны и египетский папирус Среднего царства, содержащий сложную геометрическую задачу⁶, и клинописная табличка хозяйственной отчетности древнего Сумера⁷, и отрывки финикийской литературы⁸. Тураеву был понятен не только язык письменных, но и вещественных памятников.

Тураев полностью сознавал громадную ценность первоклассных памятников русских музеев для успешного развития родной науки по истории и культуре древнего Востока. Тураев приложил поэтому все свои усилия к тому, чтобы знаменитая древневосточная коллекция, созданная В. С. Го-

¹ Ed. Meyer, *Geschichte des Altertums*, I³, § 560, стр. 876.

² «История древнего Востока», I, стр. 145.

³ Там же, стр. 36.

⁴ Там же, стр. 106.

⁵ Эд. Мейер, *ук. соч.*, I³, § 423, стр. 577.

⁶ Б. А. Тураев, *The volume of the truncated pyramid in egyptian mathematics* в журнале *Ann. Eg.*, 1917, IV.

⁷ Он же, «О двух клинописных табличках перковно-археологического музея при Киевской Духовной Академии», ЗВОРАО, т. XIII (1900).

⁸ Он же, *Остатки финикийской литературы*, СПб., 1903.

ленищевым, была приобретена русским государством, а не была бы продана в Берлин. Коллекция была отдана на хранение в Московский музей изящных искусств, и Тураев, став хранителем названного музея, отдался со всей страстью подлинного энтузиаста изучению и изданию как письменных, так и вещественных памятников этого замечательного собрания. Одновременно с ним издавал клинописные тексты собрания Н. П. Лихачева один из основоположников русской ассириологии М. В. Никольский¹. Этим документам суждено было сыграть весьма существенную роль в первом этапе советской науки о древнем Востоке.

Горячая любовь к родине, побудившая Б. А. Тураева сохранить России сокровища собрания В. С. Голенищева, делала ему близкой историю древнего Востока и историю Востока вообще. Он со всей четкостью сознавал, что мы находимся в более близкой связи с Востоком, нежели западноевропейские страны. Тураев никогда не забывал, что мы примыкаем к иранскому миру, а через Черное море к Передней Азии, уже с древнейших времен. Поэтому он считал своим долгом, так же как и его товарищ по университету—историк Греции С. А. Жебелев, обращать сугубое внимание на памятники юга России, которые должны были, конечно, в первую очередь изучаться русскими учеными. В особенности его интересовали памятники Египта, найденные в городищах нашего юга, и он посвятил им ряд исследований².

Собрать Тураева по изучению древневосточных культур М. В. Никольский уже в 1896 г. издал клинообразные надписи царей древнего государства Урарту, найденные частью на скалах, частью среди развалин старинных построек Закавказья³.

И Б. А. Тураев и М. В. Никольский мечтали об организации русских археологических экспедиций в страны зарубежного Востока, дабы с помощью их материала русские исследователи судеб древневосточного мира были поставлены в те же условия, что и ученые Западной Европы и Америки. Мечта их не сбывалась, и, наоборот, иностранными учеными были проведены раскопки в 1903—04 гг. близ Ашхабада и в Мерве. Лишь в 1916 г., накануне Октября, была организована, благодаря энергии гениального соратника Б. А. Тураева—Н. Я. Марра, экспедиция Русского археологического общества в Ван. Экспедиция увенчалась блестящим успехом. Н. Я. Марру и его ученику И. А. Орбели удалось раскопать в двух нишах на Ванской скале надписи царя Урарту Сардура II, который вместе с отцом своим Аргишти вел продолжительную и упорную борьбу с мощной ассирийской державой⁴.

С трудом поддается учету вся значимость научной деятельности Н. Я. Марра, который содействовал своим примером, своим научным творчеством тому, что русская наука переросла в науку советскую. Уже в 1905 г. Н. Я. познал всю силу и мощь идеи большевизма, и он поэтому увидел в 1917 г. в победе Октября зарю грядущего возрождения человечества, утомленного долгими веками классового гнета. Он безоговорочно пошел по новому пути, по которому повели нашу страну Ленин и Сталин. Его примеру последовали и его ученики, а также ученики его ближайших товарищей по науке.

¹ См. его монументальные труды «Древности Восточные» (Труды Вост. Комиссии Моск. Арх. Об-ва), т. III и т. д.

² См. исследования Тураева: Скарабей с острова Березани (ИАК, XL); Терракотовый светильник из Ольвии, изображающий Бесов (ИАК, XL); Фигурка Имхотеп, найденная в Кубанской области (ИАК, XLIX); Objets égyptiens et égyptisants trouvés dans la Russie méridionale, RA, IV серия, т. XVIII (1911).

³ М. В. Никольский, Клинообразные надписи Закавказья (МАК, V).

⁴ Н. Я. Марр и И. А. Орбели, Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван. СПб. 1922.

Нелегким был путь русских ученых к достижению новой, более высокой ступени своего развития, достигнув которой они могли бы назвать себя советскими исследователями. Весьма трудным он был для представителей общественных дисциплин, и, пожалуй, наиболее сложные препятствия приходилось преодолевать на этом пути исследователям истории и культуры древнего Востока. Действительно, историк древнего Востока находил лишь немного прямых указаний в трудах основоположников марксизма на то, как они решали вопрос об общественном строе этих наиболее древних государств. Историк, стремившемуся в качестве исследователя решить основной вопрос о производственных отношениях, господствовавших в Вавилонии и в Египте, предстояла трудоемкая задача самостоятельно проработать на основе марксистской методологии весь тот огромный материал источников, который должен быть нами привлечен на данном этапе развития историко-филологических дисциплин, посвященных изучению древневосточных цивилизаций. Необходимым условием для успешного решения этой центральной проблемы со стороны историка-специалиста, питомца нашего старого дореволюционного университета, являлось, конечно, подлинное ознакомление с марксистской методологией. Для этого же ему необходимо было полностью отказаться от той методологии, которую он усвоил себе уже на студенческой скамье, и освободиться от влияния крупнейших представителей буржуазной исторической науки, как Г. Масперо, Эд. Мейер, М. Ростовцев, Д. Брæстед и др. Таким образом, отход от старой методологии мог происходить лишь чрезвычайно медленно, ибо слишком велико было впечатление, которое производила покоящаяся на всеобъемлющем знании громадного материала историческая концепция буржуазной науки. Правда, Б. А. Тураев указывал в своих исследованиях на необходимость критического отношения даже к такому, казалось бы, общепризнанному авторитету, каким был тогда Эд. Мейер. Однако самого его сравнительно мало интересовал вопрос об общественном строе исследуемых им государств. Свое основное внимание он обращал на решение вопросов истории религии. Н. Я. Марр также первоначально делал предметом своих изысканий исключительно явления надстроечные— данные языка, вводя в свои лингвистические исследования новый, оригинальный метод, называемый им методом палеонтологии языка. Он сводился к использованию не только формы слова—его фонетического состава, но и его содержания—первичного значения. Опираясь на энциклопедическое знание языков яфетических, семито-хамитических и индоевропейских, пользуясь установленными им законами яфетического сравнительного языкознания и применяя метод палеонтологии языка, Н. Я. Марр пытался доказать первоначальное единство яфетических, семито-хамитических и индоевропейских языков. Согласно его теории, эти три, казалось, совсем обособленные друг от друга группы языков соответствуют различным стадиям исторического развития единого глоттогонического процесса. Первичная его стадия сохранилась в яфетических языках, а высшая стадия выявляется в лице индоевропейских языков¹.

Несмотря на большое значение для советской науки этих работ Н. Я. Марра, они не могли тогда помочь историк-у древнего Востока решить узловую проблему о формации древнейших классовых обществ на основе марксистской методологии. Научно-исследовательская работа советских специалистов по изучению древневосточных культур в нашей стране продолжалась и после Октябрьской революции в первое десятилетие по существу на основе старой методологии. Подобная застойность в раз-

¹ N. См. M a r r, *Der japhetische Kaukasus und das dritte ethnische Element im Bildungsprozess der mittelländischen Kultur*, 1923, и другие его исследования.

витии была обусловлена еще и тем обстоятельством, что приходилось проделать большую работу, чтобы стать на уровень тех фактических знаний, которые были накоплены учеными капиталистических стран в годы первой мировой войны и последовавшей за ней интервенции. Попутно с проработкой большого числа заграничных изданий было необходимо и опубликование того, что осталось из научного наследия скончавшегося в 1920 г. Б. А. Тураева, который лишь после Октября стал академиком. В год его смерти была издана его «Египетская литература», обнимающая письменность долины Нила, начиная с древнейших времен вплоть до гибели этой древней письменности в эпоху позднего эллинизма¹. Яркий и вдохновенный очерк культуры Египта, написанный Тураевым незадолго до его безвременной кончины, был издан в 1922 г.² Было опубликовано завершенное им в 1917 г. третье издание «Истории древнего Востока»³. Академия истории материальной культуры напечатала ряд исследований Тураева, посвященных изданию памятников Московского музея изящных искусств, в своих «Известиях»; отдельной монографией она опубликовала издание большого папируса хозяйственной отчетности поздней эпохи из собрания А. В. Прахова, подарившего его впоследствии Б. А. Тураеву⁴. Свою издательскую работу над памятниками наших собраний Тураев продолжал с неослабевающей энергией и после 1917 г., и он действительно обогатил науку о древневосточной культуре новым ценным материалом. Представители школы Тураева не оставили начатую им работу по изданию египтологических памятников собраний Союза и печатали свои исследования в советских и зарубежных органах⁵. Египтологический кружок, организованный при Ленинградском гос. университете, стал выпускать с 1928 г. «Сборник», в котором был издан ряд памятников⁶. В 1930 г. был издан и московский математический папирус эпохи Среднего царства (около 1800 г. до н. э.)—чрезвычайно важный текст⁷, над которым в свое время работал и сам Б. А. Тураев⁸, совместно со специалистом по истории математики проф. Д. А. Цинзерлингом⁹. Было закончено исследование, начатое Б. А. Тураевым, над магическим папирусом Британского музея и определением его мистериального характера¹⁰.

В области издания клинописных памятников Вавилонии продолжалась работа М. В. Никольского. Высоко талантливый ученик М. В. Никольского и П. К. Коковцова В. К. Шилейко издал ряд шумерийских и вави-

¹ Б. А. Тураев, Египетская литература, М., 1920.

² Он же, Древний Египет, изд-во «Огни», П., 1920.

³ См. прим. 1 на стр. 17.

⁴ Papyrus Prachov собрания Б. А. Тураева, Л., 1927.

⁵ См. статьи Т. Н. Бороздиной, Ф. Ф. Гесса, В. В. Струве, Н. Д. Филитнер, А. В. Шмидта, М. Э. Матье, И. Г. Лившиц, И. М. Лурье, Ю. Я. Перепелкина, Б. Б. Пятровского, Ю. П. Францова, Н. А. Шоломо и др. в «Докладах Академии Наук», «Записках Коллегии востоковедов», «Известиях ГАИМК», «Сборнике Гос. Эрмитажа», «Трудах отдела Истории культуры и искусства Востока Гос. Эрмитажа», «Ancient Egypt», «Aegyptische Zeitschrift», «Mémoires de l'Institut français de l'Archéol.» и др.

⁶ «Сборник египтологического кружка при Ленинградском гос. университете». Впоследствии он стал издаваться при Гос. Эрмитаже. Свое существование он прекратил в 1936 г.

⁷ В. В. Струве, Der Meskauer Mathematische Papyrus unter Benutzung einer von V. A. Turjeff hinterlassenen hieroglyphischen Transcription, Берлин, 1930.

Издание было снабжено переводом и комментарием. В настоящее время следует подотсвечать новое издание этого замечательного текста на русском языке с учетом указаний и исправлений, данных в рецензиях.

⁸ См. исследование Б. А. Тураева, процитированное в прим. 6 на стр. 18.

⁹ См. статью Д. А. Цинзерлинга о геометрических задачах папируса, ИАН, 1925.

¹⁰ В. И. Егенова, Магический папирус Salt 825 Британского музея, ИАН, 1933.

лонских текстов наших собраний¹. Преждевременная смерть положила предел творчеству этого крупного научного дарования. После смерти В. К. Шилейко его ученик А. П. Рифтин продолжал издание шумерийских и вавилонских текстов Музея письменности при Историческом институте Академии Наук и Гос. Эрмитажа². Блокада подорвала силы А. П., и ранняя смерть вырвала и этого ассириолога из рядов советских ученых.

В. К. Шилейко принадлежит большая заслуга издания хеттских клинописных текстов, хранившихся в Музее письменности Академии Наук³. Хеттская керамика, представленная в собрании Гос. Эрмитажа, нашла также своего издателя⁴. Не были оставлены без внимания памятники и той алфавитной письменности южной Финикии, Сирии и Аравии, которая своими корнями выходит к иероглифическому письму древнего Египта⁵. Акад. И. Ю. Крачковским были изданы две бронзовые таблички с южноарабскими письменами⁶. В. К. Шилейко опубликовал несколько арамейских и пунических надписей⁷, а выдающимся семитологом, учеником акад. П. К. Коковцова А. Я. Борисовым были изданы пальмирские тессеры, мандейская магическая чаша из собрания Эрмитажа и другие памятники семитической эпиграфики⁸. Бесчеловечная блокада, которой подверг жестокий враг город Ленина, лишила советскую науку и крупнейшего семитолога современности—акад. П. К. Коковцова⁹ и его столь одаренного ученика—А. Я. Борисова, успевшего выявить, несмотря на молодые годы, свои творческие силы. Блокада же исторгла из наших рядов и другого представителя школы акад. П. К. Коковцова—талантливого гебраиста И. Г. Бендера, приступившего в последние годы до Отечественной войны к работе над клинописной алфавитной письменностью северной Финикии, открытой в Рас-Шамра на месте столицы древнего царства Угарит.

Советские ученые, изучающие историю и культуру древневосточных обществ, пытались по мере сил отмечать и давать оценку важнейшим открытиям в области истории древней Передней Азии и Египта. Мы имели в нашей историографии обзоры, посвященные законам хеттских царей, ассирийскому судебнику, алфавитным надписям Синая эпохи гиксосов, новым памятникам древневосточной письменности, гробнице Тутанхамона, раскопкам в Уре, в Кише, Ашнунаке, Мари и т. д.¹⁰ Иной раз им удавалось внести весьма существенные коррективы и в наблюдения, сделанные зарубежными учеными над издаваемыми ими памятниками. Так, например, Н. А. Мещерскому удалось на основании палеографических данных весьма значительно уточнить датировку так называемых «черепков проклятия», установленную крупнейшим египтологом Запада К. Зете¹¹.

¹ См. его исследования в ИГАИМК и в ИАН 1932—1936 гг.

² А. П. Рифтин, Старовавилонские юридические и административные документы в собраниях СССР, ИИАН, 1937 г.

³ См. его исследование в ИГАИМК, 1926.

⁴ А. А. Захаров в ИОИИА, № 5.

⁵ См. В. В. Струве, Происхождение алфавита, изд. «Время», 1923.

⁶ И. Ю. Крачковский, Две южноарабские надписи в Ленинграде, ИАН ООН, 1931. См. также раздел «Бронзовые таблички из страны царицы Савской» в замечательной книге акад. Крачковского «Над арабскими рукописями», Изд-во АН СССР, 1945, стр. 87 сл.

⁷ См. исследование В. К. Шилейко в ИГАИМК, 1922.

⁸ А. Я. Борисов, Эпиграфические заметки, ТОИКИВ, I, (1939), стр. 221 сл.

⁹ См. некролог П. К. Коковцова, составленный чл.-корреспондентом АН СССР Н. В. Пигулевой в ИАН, 1942, № 4, стр. 103 сл.

¹⁰ См. статьи И. Н. Бороздина, А. А. Захарова, В. В. Струве, Н. Д. Флиттнер, В. И. Авдиева, И. М. Лурье, Д. А. Ольдерогге и др.

¹¹ Н. А. Мещерский, К палеографической датировке древнеегипетских текстов, содержащих проклятия, ДАН, 1929, сер. В, стр. 253 сл. Датировка, предложен-

Представители школы Б. А. Тураева и Н. Я. Марра продолжали традицию своих учителей и в том отношении, что они особенное внимание обращали на те памятники древнего Египта и Ассирии, которые были найдены в пределах СССР¹. Вместе с тем они со всем усердием продолжали изучать те древневосточные государства, территория которых примыкала к границам нашего Союза. Уже Б. А. Тураев подчеркнул, что «изучение великого прошлого наших окраин—наш долг и перед ними и перед наукой»². Указания товарищей Сталина, Жданова и Кирова, поставивших перед историками нашей страны в качестве самой актуальной задачи создание подлинной истории народов СССР, послужили толчком для углубленных исследований, давших значительные результаты. Советская историография должна была стремиться достигнуть еще больших успехов и еще более полно выявить культурные связи и взаимоотношения древних обществ востока СССР с соседними государствами. Поэтому вполне понятно, что изучение истории и культуры государства Урарту, сложившегося в мощную державу в первой половине I тысячелетия до н. э. в непосредственной близости с нашим Закавказьем, стало одним из самых ответственных участков советского исторического фронта. Очень ценный исторический материал сохранили нам клинописные надписи урартских царей, но необходимым условием для успешной интерпретации их являлось более глубокое проникновение в значение норм древнего языка Урарту. Эти столь необходимые для историка филологическо-лингвистические исследования были с блестящим успехом проведены Н. Я. Марром и его учеником И. И. Мещаниновым. Н. Я. Марр, продолжая начатые им в дореволюционное время исследования в области языка эпиграфических памятников Вана, снабдил важнейшими лингвистическими и историко-филологическими комментариями издание анналов Сардура II, раскопанных в 1916 г. в Ване³. Н. Я. Марр здесь, как и в ряде других своих трудов, доказал, что структура языка Урарту не может быть понята без сравнения с нормами родственных ему яфетических языков⁴. И. И. Мещанинов полностью принял это основное положение своего учителя и в своих многочисленных исследованиях приводил все новые и новые аргументы в пользу сближения языка эпиграфических памятников Урарту с языками Кавказа. Он устанавливал при изучении последних поразительные аналогии, без которых не может обойтись исследователь языка надписей Вана. Результаты своего интенсивного изучения древнего языка Урарту И. И. Мещанинов опубликовал в ряде статей и монографий⁵ и, наконец, в монументальном труде 1935 г. «Язык Ванской клинописи». Последняя работа И. И. Мещанинова является основной для всех будущих исследований в области урартийского языка. Своим трудом он намного опередил всех зарубежных специалистов в данной дисциплине—М. Церетели, А. Геце, И. Фридриха, и тем самым И. И. Мещанин

ная Н. А. Мешерским, нашла теперь общее признание, см. G. P o s e n e r, *Princes et Pays d'Asie et de Nubie*, Брюссель, 1940, стр. 35, прим. 1.

¹ См. издание памятников древневосточного происхождения, найденных в Закавказье, Северо-Кавказском крае, на юге России, в Перми, Сибири в исследованиях А. А. Захарова, М. Э. Матье, И. И. Мещанинова, Б. Б. Пиотровского, И. Л. Снегирева, А. В. Шмидта и др. в «Новом Востоке», «Сообщениях ГАИМК», ИОИИА, «Ancient Egypt».

² «История древнего Востока», т. 1, стр. 5.

³ См. издание, процитированное в прим. 4, стр. 19.

⁴ См. И. И. Мещанинов, Н. Я. Марр как халдовед, «Язык и мышление», VIII, стр. 101 сл. и его же, Язык Ванских клинописных надписей на основе яфетического языкознания, Л., 1932. В этом полезном труде собраны все наблюдения и выводы Н. Я. Марра, сделанные им в исследованиях о языке надписей царей Урарту.

⁵ См. главнейшие его работы: «Выдвигаемые яфетическим языкознанием вопросы в области изучения Ванской клинописи» (СЯИ, V, стр. 72 сл.); «Халдоведение», ТООИА, 1927, № 10; «Die neuen Ergebnisse der chaldischen Forschungen», VI, 1931 г.

нинов уже в 1935 г. в области изучения языка надписей древнего государства Урарту разрешил задачу «превзойти достижения науки за пределами нашей страны».

И. И. Мещанинов мог разрешить столь успешно данную задачу потому, что уже тогда достиг значительно более высокого методологического уровня, нежели вышперечисленные зарубежные ученые. Дело в том, что он был вовлечен своим учителем Н. Я. Марром в творческую работу на построением материалистической языковедческой теории. Н. Я. Марр опираясь на свою школу, создавал тогда свое новое учение о языке, нё несшее мощный удар по общепризнанной, казалось, и несокрушимо историко-лингвистической концепции буржуазной науки. Использование достижений языковедческой концепции Н. Я. Марра давало возможность делать интересные наблюдения в области древневосточной этнографии. Таким образом было установлено правильное определение некоторых неясных этнических терминов древних Египта и Аккада¹, а также и Эгейского мира². Многие разъяснило новое учение о языке в сложной и запутанной этнографической карте Кавказа и сопредельных стран. Здесь следует указать и на многочисленные исследования самого Н. Я. Марра и на работы И. И. Мещанинова⁴.

Появился ряд исследований в области древневосточного фольклорного и мифологического материала, покоящихся на палеонтологическом анализе семантики. С большим успехом использовал палеонтологический анализ в этой области безвременно умерший И. Г. Франк-Каменецкий один из наиболее последовательных учеников Н. Я. Марра. В своих многочисленных работах, посвященных фольклору и мифологии древних культур, он расширил материал, использованный Н. Я. Марром в его трудах привлечением древнеиндийских мифов и эпоса⁵. И. Г. Франк-Каменецкому принадлежит также большая заслуга создания крупного коллективного труда, всесторонне и стадильно исследовавшего мифы о матери-богине⁶.

Требуемую теорией Н. Я. Марра увязку данных языкознания с данными истории материальной культуры находили некоторые из молодых египтологов⁷.

Интересные наблюдения были сделаны на основании новой методики сохраненной Н. Я. Марром, в области иероглифического письма Египта сохранившегося в течение всего своего бытия некоторые элементы примитивной пиктографичности своего древнейшего периода⁸. С помощью нового учения о языке было объяснено своеобразие египетского глагола⁹ и был определена стадия древнеегипетского языка¹⁰. В области ассириологии был дан анализ, следующий методике лингвистической теории Н. Я. Марра, сложной системы сумерийских числительных¹¹. Необходимость ис-

¹ См. В. В. Струве, Страна Маган в египетских текстах, «Яфетич. сборник», 111

² Он же, Народ Тсакара, «Яфетич. сборник», VI.

³ См. т. II избранных работ Н. Я. Марра (Изд. ГАИМК).

⁴ См. «Шураа и Урурдан в клинописных памятниках Ванского бассейна» (ДАН 1924) и другие работы И. И. Мещанинова.

⁵ См. его статьи в сборниках Яфетического института и Института языка и мышления, а также в трудах ЛИФЛИ.

⁶ Сборник «Тристан и Иольда» (Труды института языка и мышления, II).

⁷ Ю. П. Францов, К палеонтологическому анализу древнеегипетских земледельческих терминов, ДАН, 1930; Б. Б. Пятровский, Семантический пучок в памятниках материальной культуры, ИГАИМК, VI, вып. 10 и др.

⁸ И. Г. Лившиц, Детерминатив к древнеегипетским словам «мертвец» и «враг» «Яфетич. сборник», VI. И. Г. Лившиц заканчивает теперь большой труд, посвященный детерминативам в древнеегипетском письме.

⁹ См. статью В. В. Струве в «Сборнике Акад. Наук в честь Н. Я. Марра», 1935

¹⁰ И. Л. Снегирев (Сборник «Язык и мышление», т. I, стр. 15 сл.)

¹¹ Статья П. П. Рифтина в сборнике «Языковедные проблемы по числительным» Яфетического института.

пользования древневосточного материала языковедами, стоящими на основе нового учения о языке, привела к тому, что советские специалисты по истории и культуре древневосточных цивилизаций отказались от транскрипций, господствующих в зарубежной науке, и проработали транскрипцию алфавитов изучаемых ими письменных систем на основании принципов аналитического алфавита, созданного Н. Я. Марром¹.

Основоположник нового учения о языке еще до революции выступал, подобно Б. А. Тураеву, против расовой теории, которая уже давно играла, как мы выше видели, значительную роль в буржуазной науке. После же первой мировой войны расовая теория приобрела за рубежом еще более крупное значение в связи с бурным ростом в капиталистических странах фашистских и профашистских теорий. Поэтому и Н. Я. Марр стал теперь с такой большой страстью бороться против расовой теории, опираясь на аргументацию, близкую марксистской методологии. Так, в одном из своих исследований 1927 г. Н. Я. Марр заявил, что «чистота племени и нации есть идеалистическая фикция, продукт тысячелетнего господства желавших быть изолированными классов, захватчиков власти». Для исследователей, принимающих установки расовой теории, является характерным чрезмерное восхваление культурной значимости и исторической действительности индоевропейских народов, как например, древних греков, и преуменьшение ценности вклада в сокровищницу культуры человечества народов не индоевропейской расы. Советская же историография пыталась, встав на точку зрения Н. Я. Марра, преодолеть пренебрежительное отношение к наследию тех историков, уроженцев Востока, которые писали в эллинистическую эпоху о далеком прошлом своей родины. Действительно, обстоятельный и всесторонний анализ наследия одного из историков, вышедших из недр древневосточного общества, Манефона, доказал ценность его труда и даже в тех его частях, которые, казалось, были наиболее уязвимыми². Сложная библейская историография нашла также своего исследователя³. В ряде работ было доказано большое значение древневосточной науки⁴ и техники⁵ для культуры всего Средиземноморья. Также была со всей конкретностью выявлена действительность древневосточного искусства в истории мирового искусства⁶.

Все только что указанные работы советских историков, дававшие иную оценку достижениям древневосточной культуры, нежели буржуазная наука, имели немалое значение для того, чтобы в нашем Союзе наука

¹ См. В. В. Струве, Яфетидологическое письмо и египетский алфавит, «Яфетич. сборник», VII; Б. Б. Piotrowski, «Сборник египтологич. кружка», вып. VII и др.

² См. статьи В. В. Струве в «Записках коллегии востоковедов», «Сборнике Института языка и мышления», сборнике «Вспомогательные дисциплины» Института истории Академии Наук, сборнике Ленинградского гос. университета.

³ И. Г. Бендер, К вопросу о делении источников кн. Бытия, «Записки коллегии востоковедов», III (1928).

⁴ См. комментарий к вышеуказанному изданию В. В. Струве, Издание Московского мителогического папируса; Ю. Я. Перепелкин, К вопросу о возникновении энциклопедии на древнем Востоке, «Труды Института книги, документа и письма Академии Наук»; Н. А. Шолохо, Два фрагмента египетских водяных часов, ТОИИВ, I.

⁵ П. А. Шолохо, Ткачество в древнем Египте, «Архив Института ист. науки и техники», вып. 5; Он же, Подъем тяжести в строительной технике древнего Египта, там же, вып. 8; см. другие статьи того же автора, а также статьи И. М. Лурье и П. Д. Флиттнер. Сводка их исследований и работ других авторов дана в коллективном труде И. Лурье, К. Ляпуновой, М. Матые, Б. Piotrowsкого и П. Флиттнера, Очерки по истории техники древнего Востока, Изд-во АН СССР 1940.

⁶ См. многочисленные исследования Н. Д. Флиттнера, которая является одним из крупнейших эрудитов в области истории и материальной культуры древнего Востока. См. также исследования М. Э. Матые и В. В. Павлова.

о древнем Востоке стала подлинной советской историей древнего Востока, покоящейся на марксистско-ленинской методологии. Они являются первыми шагами на пути к общему пересмотру той концепции буржуазной науки о древних обществах, и древневосточном в частности, которая столь долго продолжала властвовать над умами советских исследователей. Эта историческая концепция, называемая циклической, была создана по существу крупным немецким историком Эд. Мейером в эпоху империализма. Она сменила господствовавшую до того концепцию, созданную знаменитым философом-идеалистом Гегелем. Последний создал свою концепцию в условиях старого капитализма, когда мир еще не был поделен ни между кликами капиталистов, ни между великими державами, когда мировой рынок еще казался безграничным и капитализм еще не вступил в период общего кризиса. Гегель мог поэтому представить себе человечество развивающимся по прямой восходящей линии. Будучи идеалистом, он утверждал прогрессивность истории человечества без каких бы то ни было отклонений, ибо всемирная история определялась им как выражение ряда ступеней, благодаря которым мировой дух доходил до самосознания.

В эпоху же империализма капитализм достигает своей наивысшей стадии развития. Мир разделен, мировой рынок познает свой предел, завтрашний день сулит уже не новый подъем благополучия, а все более жестокие кризисы. Имущие классы не мечтают уже больше о дальнейшем прогрессе, они мобилизуют все свои силы на то, чтобы сохранить капиталистический мир на достигнутом уровне развития. Говоря словами Ленина, «бешеная защита империализма, всевозможное прикрашивание его — таково знамение времени»¹.

Историография получает социальный заказ обосновать путем привлечения данных из далекого прошлого необходимость существования капитализма для блага человечества, и доминирующей концепцией буржуазной историографии становится концепция циклизма. Основоположнику ее Эд. Мейеру были доступны первоисточники всех обществ древнего Средиземноморья. Свою концепцию Эд. Мейер четко определил в своем докладе 1895 г. «Экономическое развитие древнего мира». Здесь он полемизирует с концепцией Гегеля, с концепцией непрерывного развития человечества по восходящей линии. По его мнению, «в основе ее лежит обычное деление истории на древнюю, среднюю и новую». В противоположность этому он устанавливает тезис, «что история средиземноморских народов протекала в двух параллельных периодах, что с падением древнего мира развитие начинается сызнова и что она снова возвращается к тем первым ступеням, которые уже давно были пройдены»². И Эд. Мейер, опираясь на широкое знание доступных ему первоисточников древней истории, пытается во что бы то ни стало доказать, что античный период истории народов Средиземноморья знал свою древность, свой средний века и свое новое время. Не останавливаясь перед произвольным толкованием источников, он находил для древности греко-римского мира, как и для древнейшего периода романо-германских народов, родовой строй, для средних его веков — тот же феодализм и крепостничество. Что же касается его последнего периода, соответствующего новому времени развития народов Западной Европы, то и здесь Эд. Мейер находит новую форму эксплуатации — рабство, которое соответствует, по его мнению, промышленному наемному труду эпохи капитализма.

¹ В. И. Ленин, Империализм, как высшая стадия капитализма, Соч., т. XIX, стр. 159.

² Э. Мейер, Экономическое развитие древнего мира, СПб., 1898, стр. 10—11.

Для Эд. Мейера, таким образом, крепостничество является менее прогрессивной формой эксплуатации, нежели рабство¹. Основным историческим выводом концепции Эд. Мейера является, следовательно, положение, что древняя история Средиземноморья уже знала свою эпоху капитализма, за которой, однако, не последовал дальнейший прогресс, а, наоборот,—имело место возвращение к давно пройденной стадии феодализма и крепостничества. Утверждая подобный круговорот—циклизм—древнего общества, Эд. Мейер выступил тем самым и апологетом капиталистической системы. Действительно, если после капитализма наступает не прогресс, а возврат к средневековому крепостничеству, то человечеству необходимо задержаться в своем развитии на капиталистической формации, которая является таким образом наивысшей стадией развития, доступной человеческому обществу.

Апологетом капиталистического строя выступал Эд. Мейер и тогда, когда он заявлял, что на Востоке «существенные черты экономической жизни» оставались неизменными с самых древних времен и до настоящего времени), т. е. на стадии феодализма и крепостничества². Исходя в конечном итоге из расовой теории, он, как и его последователи, подобно Д. Брестеду и другим, настойчиво утверждал, что Восток не знал прогресса, перехода на более высокую ступень развития общества. Он не знал, в противоположность Греции и Риму, рабства, которое Эд. Мейер и его школа рассматривали, как соответствующее промышленному наемному труду эпохи капитализма. Они противопоставляли Восток в его абсолютной застойности стремящемуся к новым судьбам Западу, не знающему покоя в своем вечном и неутомимом движении на пути к дальнейшему прогрессу. Следовательно, временное подчинение колониального Востока народам Европы становилось вечной категорией, и подчинение Индии, Индонезии, Китая и т. д. «организаторскому гению» Запаदा являлось бесспорным благодеянием для них. Поэтому в буржуазной историографии концепция Эд. Мейера стала безраздельной владычицей душ, несмотря на всю ее очевидную порочность, обусловленную грубейшей исторической ошибкой, а именно отождествлением свободного рабочего эпохи капитализма с римским рабом, который для его владельца уподоблялся скотине, одаренной человеческой речью.

Наша дореволюционная историография также полностью усвоила и теорию цикличности исторического развития и положение о вечной застойности Востока. Специалисты по истории древнего мира и древнего Востока, воспринявшие данные положения уже на студенческой скамье, продолжали их признавать безоговорочно и после Октября. Не только представители старых не-марксистских школ находились под влиянием этой концепции, но также и некоторые из историков, считавшихся марксистами. По крайней мере, еще в 1923 г. был переиздан старый перевод брошюры Эд. Мейера «Рабство в древнем мире» издательством «Прибой» без соответствующего предисловия, без критических примечаний, как будто бы работа основоположника концепции циклизма являлась подлинным марксистским трудом³.

Переиздана издательством названной работы Эд. Мейера, в которой особенно резко отождествляется рабский труд античности со свободным

¹ Эд. Мейер со всей резкостью устанавливает свою точку зрения на прогрессивность рабского труда по сравнению с трудом крепостного в своей брошюре «Рабство в древности». Она была в первый раз переведена на русский язык в 1899 г.

² «Рабство в древности», стр. 24.

³ «Прибой» была издана и первая из вышеуказанных работ Эд. Мейера «Экономическое развитие древнего мира».

наемным трудом эпохи капитализма, а также со всей определенностью подчеркивается застойность Востока по сравнению с прогрессивным развитием Греции и Рима, не могло, конечно, не задержать отход специалистов, питомцев дореволюционного университета, от старой методологии и подлинное освоение ими марксистской методологии. Они пытались эклектически примирить марксистскую концепцию с определением исторического развития восточных обществ, созданным Эд. Мейером и его последователями. Древнеазиатский, античный и т. п. способы производства, которые Маркс устанавливал «как прогрессивные эпохи экономической общественной формации»¹, представлялись ими механически, не диалектически, вне связи с конкретным историческим процессом. Не поняв сущности метода диалектического материализма, они заменили творческое применение марксистско-ленинского учения догматическим преклонением перед буквою текста. Одним из характерных примеров подобного буквоедства и начетничества может служить пресловутая дискуссия об азиатском способе производства, во время которой ссылками на основоположников марксизма-ленинизма доказывался особый путь развития обществ Востока. Определенные способы производства восточных обществ как особой «азиатской формации», покоились на основании методологически и методически неправильного использования отдельных высказываний Маркса или Энгельса. Исследователи механически сопоставляли отдельные разрозненные цитаты Маркса о восточных обществах, вырывая их из общего контекста, и пытались сами, путем механистического соединения их, «создать» систему учения Маркса об «азиатской формации».

Эта «азиатская формация», создаваемая их «творчеством», по существу сливалась с вечным феодализмом на Востоке, постулируемым Эд. Мейером. Действительно, последний утверждал, что экономическая жизнь на Востоке оставалась неизменной с самых древних времен и до настоящего времени, а для адептов теории об «азиатской формации» строй восточных обществ древности определялся той же характеристикой, что и строй восточных обществ средних веков и нового времени².

Подобное противопоставление Востока Западу, восточных народов западным народам объективно покоилось на расовой теории, на конечной основе всех буржуазных исторических концепций. Фашистская историография довела до абсурда расовую теорию старой буржуазной науки, «доказывая», что все культурные достижения были созданы гением «нордической расы», к которой принадлежали и греки и германцы³. Таким образом, советские исследователи, утверждавшие вечный феодализм на Востоке, лили объективно воду на мельницу буржуазной и даже фашистской историографии. Поэтому против утверждений о застойности Востока и о качественном отличии строя обществ Востока от строя обществ Запады выступили резко два крупнейших представителя русской науки,

¹ К. Маркс, К критике политической экономии, Маркс и Энгельс, Соч., т. XII, ч. I, стр. 7.

² См. С. И. Ковалев, Курс всеобщей истории, т. I, 1923, т. II, 1924; Н. М. Никольский, статья «Вавилония» в БСЭ; о н же, История (докладное общество, древний Восток, античный мир), 1933 г.; о н же, Некоторые основные проблемы общественной и религиозной истории Израиля и Иуды (предисловие к книге А. Б. Рановича, Очерк истории древнееврейской религии, 1937), стр. XLVIII—XLIX; В. В. Струве, Египет в БСЭ и др. Блестящим исключением являлись диссертации двух молодых ученых—Ю. П. Францова о египетской сказке и Ю. Я. Перелкина о тель-амарнской литературе. Основательная методологическая подготовка авторов удержала их от послепозитивного определения общества древнего Египта как феодального и направила их внимание на установление специфических особенностей названного общества.

³ См. А. Зворыкин, Фашистская фальсификация истории материальной культуры, «Правда» от 14 мая 1937 г., стр. 3; А. Паникратова, Историческая наука в СССР за 25 лет (1917—1942), ИЖ, 1942, № 10, стр. 47 сл. и другие статьи.

ставшие в годы после победы Октября руководителями советского восточного фронта.

Одним из них был неоднократно уже упоминаемый Н. Я. Марр. Он издевался над теми исследователями, «кто доселе думает, что европейцы созданы из другого теста, чем азиаты... кто доселе верит, независимо от выставляемых ими лозунгов того или иного метода, в существование особых норм восточной культуры, ... кто, следовательно, всерьез признает способы производства на Востоке иными, чем то были, или по происхождению суть на Западе»¹. Со словами Н. Я. Марра перекликались слова его друга, знаменитого индолога С. Ф. Ольденбурга: «Для нас нет разделения народов и стран на Восток и Запад, противоположных друг другу и иначе изучаемых: Восток вошел в наш Союз на равных правах с Западом, и мы изучаем его с той же марксистской методологией, с какой изучаем Запад. Классовая борьба шла и идет на Востоке так же, как и на Западе. История Востока дала те же формации, как и история Запада. Это—основное положение нашего востоковедения»². Указания столь крупных исследователей, как Н. Я. Марр и С. Ф. Ольденбург, не могли не оказать воздействия на их младших товарищей, они должны были действовать и перелому на отрезке исторического фронта, посвященном изучению древневосточных обществ. Интенсивное изучение трудов основоположников марксизма-ленинизма уже сделало невозможным повторение ошибок, подробно определенную «барщинными крестьянами» в Вавилонии тех «из кабальных людей, наделы которых были окончательно присвоены феодалами» и которые «отбывали барщину и были на господских харчах». Печально, что данное курьезное определение «барщинных крестьян» могло быть высказано, несмотря на то, что оно резко противоречит определению В. И. Ленина, согласно которому в барщинном хозяйстве «непосредственный производитель был наделен средствами производства вообще и землею в частности»³.

Громадную помощь оказала историкам древнего Востока при решении проблемы о возможности или невозможности существования особых производственных отношений на Востоке опубликованная в 1930 г. лекция В. И. Ленина о государстве⁴. Здесь В. И. Ленин с предельной четкостью устанавливает три крупных периода в истории развития классового общества—рабовладельческий, крепостнический и капиталистический,—и первому из них—рабовладельческому предшествует первобытное общество. Нигде в своей лекции Ленин не говорит о каком-то особом азиатском или восточном периоде, который в Азии следовал за доклассовым обществом. Наоборот, в лекции о государстве со всей определенностью подчеркивается, что «рабовладельцы и рабы—первое крупное деление на классы»⁵. Это утверждает и товарищ Сталин в четвертой главе «Краткого курса истории ВКП (б)», устанавливая «пять основных типов производственных отношений: первобытно-общинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, социалистический»⁶. Мы не находим упоминания о качественно-отличной закономерности в истории развития восточных обществ.

Следовательно, советские историки древнего Востока могли со всей определенностью утверждать, что, согласно марксистско-ленинскому уче-

¹ Н. Я. Марр, Избранные работы, III, 1934, стр. 351.

² С. Ф. Ольденбург, Восток и Запад в советских условиях, Соцэкгиз, 1931, стр. 9.

³ В. И. Ленин, Соч., т. III, стр. 140.

⁴ См. там же, т. XXIV, стр. 362 сл.

⁵ Там же, т. XXIV, стр. 366.

⁶ Краткий курс истории ВКП(б), 1938, стр. 119.

нию о формациях первобытно-общинный строй был сменен в истории самобытно развивавшихся древневосточных обществ строем рабовладельческим, а не крепостническим, как предполагала концепция циклизма, а также и те из советских историков, которые утверждали вечный феодализм на Востоке.

Советские историки, опираясь на научную методологию, могли до конца разоблачить всю порочность концепции циклизма. Они отвергли отождествление рабочего труда со свободным трудом периода капитализма. Они также опровергли, исходя из понятия диалектического развития, отрицание концепцией циклизма исторического прогресса. Диалектическое развитие определяется Энгельсом как «причинная связь того поступательного движения, которое, сквозь все отклонения в сторону и сквозь все кратковременные попятные шаги, пробивается от низшего к высшему»¹.

Концепция циклизма, которая утверждает в истории человечества абсолютную повторяемость, резко противоречит материалистическому учению о производительных силах. Действительно, если в известные периоды, согласно Эд. Мейеру, история человечества начинается заново, то, следовательно, производительные силы предшествующей эпохи как бы растворяются в воздухе, не оставляя реального наследия для последующих поколений. Таким образом, концепция циклизма, утверждая повторяемость в историческом процессе, выявляет свою идеалистическую сущность. Напротив, «диалектический метод считает, что процесс развития следует понимать не как движение по кругу, не как простое повторение пройденного, а как движение поступательное, как движение по восходящей линии, как переход от старого качественного состояния к новому качественному состоянию, как развитие от простого к сложному, от низшего к высшему»².

Параллельно с интенсивной работой по освоению марксизма-ленинизма советские историки отделились углубленному изучению правовых памятников, хозяйственных и других документов, сохранившихся от древневосточных архивов. Будучи теперь не только методически, но и методологически подготовленными, они не видят больше в знаменитом судебнике царя Хаммурапи отражение крепостнического строя вавилонского общества, как это готов был видеть в свое время Эд. Мейер³. Они находят теперь в древнем судебнике великого царя вавилонской державы весьма отчетливое деление вавилонского общества на два антагонистических класса — на рабовладельцев и рабов⁴, — т. е. блестящее подтверждение тезиса, Ленина: «рабовладельцы и рабы — первое крупное деление на классы». Также и во втором из наиболее полно сохранившихся древневосточных судебныхников — хеттском — проходит красной нитью противопоставление раба свободному человеку — фактическому или потенциальному рабовладельцу⁵.

Важнейшей же группой источников для определения производственных отношений одного из ведущих древневосточных обществ являются многочисленные документы хозяйственной отчетности, дошедшие до нас из архивов нескольких древних городов Южного Междуречья. Они датируются годами правления царей так называемой III династии Ура (2132 г. —

¹ К. Маркс, Избранные произведения, 1937, т. I, стр. 345.

² Краткий курс истории ВКП(б), 1938, стр. 102.

³ «Geschichte des Altertums», 1³, 1913, § 423.

⁴ § 15 сл., § 175 и др. судебногоника Хаммурапи. См. соответствующий раздел учебника А. В. Мишулина, История древнего мира.

⁵ В. В. Струве, Хеттское общество, как тип военного рабовладельческого общества, ИГАИМК, вып. 97 (1937 г.), стр. 60.

2024 г. до н. э.)¹ и отражают, таким образом, действительность экономического бытия сумерийского общества конца III тысячелетия до н. э. В них увековечена многообразная жизнь больших царских хозяйств Сумера той эпохи, обнимавших тогда и храмовое хозяйство. Документы этих архивов, посвященные организации и эксплуатации труда непосредственных производителей, являются еще более надежной основой для точного установления ведущего способа производства в обществе Южного Междуречья, нежели даже судебник царя Хаммурапи.

Исключительно советским ученым принадлежит большая заслуга привлечения указанных источников для своих исторических исследований и использования их для решения вопроса об общественном строе Южного Междуречья в древности. Зарубежные исследователи оставили издаваемые ими в автографии подобные документы III династии Ура либо без перевода², либо снабжали их неточным переводом или пересказом, свидетельствующим о полном непонимании ими исторической значимости изучаемых текстов³.

Советские историки сделали на основании этих документов хозяйственной отчетности твердо обоснованный вывод о рабовладельческом характере царского хозяйства III династии Ура⁴. Определение общественного строя Сумера той эпохи рабовладельческим не теряет своей силы ввиду того факта, что среди непосредственных производителей, упоминаемых изучаемыми документами, были не только рабы-военнопленные, но и рабы-должники⁵. Действительно, ни Ленин, ни Сталин в своем определении рабовладельческого строя не считали необходимым указать на то, что при данном общественном строе непосредственные производители являются военнопленными⁶. Были вскрыты рабовладельческие отношения и в другом великом культурном центре — в Египте — на основании изучения конкретного исторического материала, правда, не столь доказательного, как сумерийские документы хозяйственной отчетности⁷. Была поставлена также существенная проблема о роли общины и об удельном весе труда общинников в хозяйстве древневосточных государств⁸. Было

¹ Согласно новой хронологии ср. В. В. Струве, Датировка I вавилонской династии, ВДИ, 1947, № 1.

² Ср., например, ряд изданий люксембургского ученого Н. Шнейдера или издание американского ассириолога G. G. N a s k m a n, Temple documents of the third dynasty of Ur from Umma (V том серии Babylonian inscriptions in the collection of J. B. Nies, Yale University), 1937.

³ См. гересказ, сделанный Ж. Ж е н у л ь я к о м, учеником Тюрю-Данжена, документов № 5675 и 5676, изданных им в Textes égyptiques d'Umma de l'évêque d'Our Шарж, 1922, в журнале, «Babyloniaca», VIII, стр. 44 сл.

⁴ См. В. В. Струве, Рабовладельческая латифундия в Сумире III династии Ура (Сборник в честь С. Ф. Ольденбурга, Л., 1933, стр. 495 сл.); о н ж е, Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ древнего Востока, ИГАИМК, вып. 77 (1934), стр. 43; о н ж е, Рабство в древнейшем Сумире, ИГАИМК вып. 97 (1934), стр. 5 сл.; о н ж е, Еще раз о рабовладельческой латифундии Сумира III династии Ура, ПИДО, 1934, № 7—8, стр. 241 сл.; о н ж е, Рудимент классового показателя в сумерийском языке, ИАН ООН, 1934, стр. 799 сл.; о н ж е, К семантике жалованья, «Язык и мышление», Сборник III—IV, 1935, стр. 101 сл.; В. И. А в д и е в, Рабовладение на древнем Востоке, «История в средней школе», 1934, № 2; Н. М. Н и к о л ь с к и й, Рабство в древнем Двуречье, ВДИ, 1941, № 1.

⁵ В. В. Струве, История древнего мира, I, Москва, Соцгиз, 1937, стр. 93.

⁶ В. И. Ленин и, Избранные произведения, VI, стр. 296; Краткий курс истории ВКП(б), стр. 119—120.

⁷ Д. Г. Р е д е р, Рабы и подданные египетских храмов в XII в. до н. э. по статистическим данным папируса Гаррис, Зап. ист. фак. Моск. обл. вед. ин-та, II, 1940: диссертация М. А. К о р о с т о в ц е в а, Рабство в древнем Египте в эпоху XVII династии; И. М. Л у р ь е, К проблеме домашнего рабства в древнем Египте, ВДИ, 1941, № 1.

⁸ В. И. А в д и е в, Сельская община и искусственное орошение в древнем Египте, «Историк-Марксист», 1934, № 6, стр. 70 сл.; см. также Н. М. Н и к о л ь с к и й, Община

начато исследование сложных надстроечных явлений—религии и литературы—на основе марксистско-ленинской методологии¹. Создавались до Великой Отечественной войны и обобщающие труды на основе определения общественно-экономической формации страц древнего Востока как рабовладельческой². Были включены в эти обобщающие работы и древнейшие цивилизации Индии и Китая, оказавшиеся более тесно связанными со средиземноморским миром, нежели можно было думать раньше³.

Подводя итог результатам работ советских историков над решением основной проблемы о производственных отношениях древнейших в мире государств, можно сказать, что в конце концов победила теория рабовладельческого характера древневосточных обществ. Конечно, многие положения этой теории требовали еще для своего окончательного утверждения дополнительной разработки конкретного материала, материала или нового, или заново интерпретированного и комментированного. На достигнутом методологическом уровне советские историки уже не могли больше довольствоваться старыми переводами буржуазных ученых⁴, ибо перевод текста является не чем иным, как интерпретацией его с определенных методологических и методических позиций.

Советские историки должны были также стремиться расширять базу своих исследований использованием исторического материала, не привлеченого буржуазными исследователями для своих построений. Этот новый материал можно было найти и в многочисленных зарубежных изданиях древневосточных текстов, оставленных без перевода и без комментария, его можно было встретить среди неизданных памятников советских музеев и, наконец, в древних городищах республик советского Востока. Успешные раскопки советских археологов-историков открыли в недрах земли многочисленные памятники далекого прошлого нашего Востока и беспредельно расширили историю нашей страны, вызвав из забвения мощную и яркую культуру тех древних народов, которые участвовали в этногенезе великого советского народа. Следует отметить как особую заслугу этих талантливых ученых-археологов, что они сумели на основании добытого материала с помощью марксистско-ленинского метода воссоздать адекватное понятие тех обществ, которые были творцами раскопанных ими памятников.

Так, рядом советских археологических экспедиций была открыта культура древнего Хорезма рабовладельческой эпохи, и тем самым исто-

в древнем Двуречье, ВДИ, 1938, № 4, стр. 72 сл.; о н же, К вопросу о ренте-налоге в древнем Междуречье, ВДИ, 1939, № 2, стр. 68 сл.; В. В. Струве, Марксово определение раннеклассового общества, «Сов. этнография», III (1940), стр. 5 сл.

¹ Ю. П. Францов, Древнеегипетские сказки о верховных жрецах, «Сов. фольклор», 2—3 (1936); о н же, главы V и VI в книге И. Л. Снегирева и Ю. П. Францова, Древний Египет, 1938, Эти главы содержат разделы, посвященные религии и литературе Среднего и Нового царств древнего Египта. Заслуживает внимания его же докторская диссертация, посвященная фетишизму и другим религиозным явлениям древнейших цивилизаций. См. А. Б. Ранович, Очерк истории древнееврейской религии, М, 1937 и статьи Н. М. Никольского, посвященные библейской критике. См. его сводку в ВДИ, 1938, № 1, стр. 30 сл. «Проблемы критики библии в советской науке».

² В. В. Струве, История древнего мира, I (Древний Восток), Москва, Соцэкгиз, 1937.

³ В. И. Авдиев, Курс лекций, изданный Высшей партийной школой при ЦК ВКП(б), М., 1940. Учебное пособие В. В. Струве «История древнего Востока» было издано при помощи его молодых товарищей: М. А. Коростовцева, Б. Б. Пиотровского, Р. И. Рубинштейн, И. Л. Снегирева, Н. А. Шолло и содействии ответственного редактора Ю. П. Францова.

⁴ К сожалению, подобные случаи имели место во время дискуссии в ГАИМК 4 и 5/VI 1933 г., посвященной вопросу о способе производства в государствах древнего Востока. См. ИГАИМК, № 77, стр. 157 сл.

рия Узбекистана I тысячелетия до н. э. была заполнена новым богатым содержанием¹. Методически проведенными раскопками в Термезе и окружающем его районе были выявлены отдельные ценные памятники, а также и общий комплекс культуры древнего города в греко-бактрийскую эпоху².

Не менее ценными были результаты раскопок советских археологов в древних городищах Закавказья. В Азербайджане были открыты памятники конца II тысячелетия до н. э. и клад из различных бронзовых предметов, датируемый эпохой оформления государства Урарту³, т. е. начала I тысячелетия до н. э. Большое научное значение имели обследования и раскопки советских ученых, посвященные городищам, восходящим к эпохе преобладания державы Урарту, оказавшей столь большое культурное воздействие на наше Закавказье.

Еще в конце 20-ых годов были обследованы в Азербайджане циклопические крепости, восходящие к урартийской эпохе⁴. В начале 30-ых годов были изучены в Армении циклопические крепости доурартийской и урартийской эпох⁵. Особенно же ценные результаты дало археологическое исследование прекрасно сохранившейся урартийской крепости на Кармир-блуре, на холме близ Еревана. Раскопки, начавшиеся в 1939 г., производились совместной археологической экспедицией научно-исследовательских учреждений и Гос. Эрмитажа.

В результате раскопок наши знания об урартийском строительном искусстве стали значительно более обширными, и в крепости были найдены прекрасные образцы урартийского скульптурного искусства⁶.

Интерес к древней державе Урарту, подчинившей в далеком прошлом своему влиянию все наше Закавказье, обусловил в Грузии издание надписей ванских царей, хранившихся в Грузинском музее⁷. Исследователь истории Грузии академик А. И. Джавахишвили, смерть которого недавно нанесла такой тяжелый удар советскому историческому фронту, организовал, начиная с 1936 г., ряд археологических экспедиций, значительно расширивших и углубивших наши знания по древней истории Грузии. В местности Триалети в Цалкинском районе были открыты художественные изделия древней культуры Грузии, датируемые II тысячелетием до н. э.⁸. Не менее значительны были результаты раскопок в районе Армази, в 2 км к юго-западу от Мцхета, выявившие памятники культуры дофео-

¹ См. исследование и сообщения организатора и руководителя археологических экспедиций на территории Кара-Калпакской республики С. П. Толстова в ВДИ, начиная с 1938 года. Его работы содействовали и будут содействовать определению рабовладельческого строя древневосточных обществ.

² См. М. Е. Масона, Термезская комплексная археологическая экспедиция УзФАН, Ташкент, 1940. Блестящую оценку результатов раскопок и исследования М. Е. Масона см. у С. П. Толстова, Основные вопросы древней истории Средней Азии, ВДИ, 1938, № 1, стр. 176 сл. Эта статья исчерпывающе трактует проблематику древней истории Средней Азии и достижения русской и советской науки в этой области.

³ См. Я. И. Гуммель, Раскопки в Нагорно-Карабахской автономной области в 1938 г., ИАзФАН, 1939, № 4, стр. 77, сл. и рецензию Е. И. Крунова, которому принадлежит заслуга уточнения датировки памятников, открытых Я. И. Гуммелем.

⁴ И. И. Мещанинов, Восточное Закавказье времен халдейских завоеваний, ВДИ, 1937, № 1.

⁵ Б. Б. Пиотровский и Л. Ж. Гюзальян, Крепости Армении доурартского и урартского времени, «Проблемы ист. мат. культ.», 1933, № 5—6, стр. 51. Ср. В. И. Авдиев, Историко-археологическое изучение древнего Кавказа. «Двадцать пять лет исторической науки в СССР», Изд. АН СССР, 1942, стр. 61—62.

⁶ См. Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, Ереван, 1944, X глава.

⁷ См. прекрасное издание Г. В. Церетели, Урартские памятники Музея Грузии, Издательство ГрузФАН, 1939. См. положительную рецензию издания Г. В. Церетели в ВДИ, 1941, № 1, стр. 107 сл., составленную И. И. Мещаниновым.

⁸ Раскопки велись под руководством Б. А. Куфтина. Адекватную оценку их см. В. И. Авдиев, ук. соч., стр. 62 сл.

дальной, рабовладельческой эпохи Грузии, в виде богатого инвентаря двух открытых совершенно нетронутыми гробниц, одна из которых принадлежала, судя по надписи найденной печати, Аспагуру питиахшу (правителю области)¹. Ценнейшее археологическое открытие подтвердило полностью те тесные связи грузинской культуры того времени (III в. н. э.) с мировой эллинистической, о которых нам сообщали до этого лишь литературные данные.

Все достижения советской историографии по изучению обществ древнего Востока приобретали должную действенность и находили широкий отклик у нас в Союзе и за рубежом благодаря наличию специального периодического органа по истории древнего мира — «Вестника древней истории». Появление в 1937 г. такого журнала, который был неизвестен дореволюционной России, имело громадное организационное и научное значение².

Самостоятельная, основанная на правильной интерпретации материала источников в свете марксистско-ленинской теории разработка важнейших проблем истории древнего Востока позволила большому коллективу советских ученых подготовить для «Всемирной истории» обширный том по истории древнего Востока (под ред. В. В. Струве, А. Б. Рановича и М. А. Коростовцева). Благодаря дружной совместной работе авторов и широкому обсуждению возникавших в процессе работы принципиальных вопросов был создан интересный труд, научно осмысливший исторический процесс на древнем Востоке. В этом отношении посвященный древнему Востоку том «Всемирной истории» является несомненным достижением советской науки. Война задержала впуск этого тома, который включен в новый пятилетний план Академии Наук СССР.

Вероломное нападение фашистской Германии прервало мирный и творческий труд советских людей. Защита родины и на фронте и в тылу поставила перед всеми гражданами Союза свои определенные задачи. Великая Отечественная война вовлекла в свою орбиту и исследователей столь далекой, казалось бы, от современной жизни дисциплины, как история древнего Востока. Часть из них пошла на фронт³, другие оставались на своем посту в блокированном Ленинграде⁴ или в тылу у врага⁵, а третьи пытались по мере своих сил и способностей помогать доблестным трудом своей родине в борьбе с ненавистным врагом. Наряду с работами, связанными так или иначе с помощью обороне стране, продолжалась и в военных условиях научно-исследовательская работа по специальности, которая должна была оставаться и во время войны на уровне мировой науки и не должна была отставать от достижений зарубежных ученых в области древней истории.

Лучшим доказательством того, какое значение советское правительство и общественность придают исследованиям в области древнего мира, является тот факт, что в 1942 г. Б. А. Куфтину была присуждена Сталин-

¹ Результаты раскопок были опубликованы в бюллетенях Академии Наук Грузинской ССР. Заслуга правильного определения производственных отношений вновь открытого древнейшего классового общества Грузии принадлежит ученику акад. И. А. Джавахишвили — акад. Н. С. Джанашиа.

² См. объективную оценку ВДИ в обстоятельной статье Коростовцева, Изучение истории древнего мира за 25 лет, «25 лет историч. науки в СССР», (1942), стр. 192-193.

³ Н. А. Шолпо, И. М. Дьяконов, И. С. Кацнельсон, М. А. Коростовцев, В. А. Мачинский, начинающие египтологи С. Н. Петровский, Е. В. Черезов и другие.

⁴ Следует отметить Ю. П. Францева, остававшегося в Ленинграде все время блокады, И. Г. Бендера, А. Я. Борисякова, Д. А. Ольдерогге, Б. Б. Пиотровского.

⁵ Заслуживает всяческого восхваления научная работа академика Н. М. Никольского в лагере белорусских партизан.

ская премия за большой труд, посвященный его раскопкам в Триалети, а в 1945 г. той же высокой награды был удостоен Б. Б. Пиотровский за его прекрасную книгу «История и культура Урарту»¹. В текущем году Сталинской премии второй степени был удостоен труд трех крупнейших грузинских ученых: Н. А. Бердзенишвили, А. Джавахишвили и С. Н. Джанашиа «История Грузии с древнейших времен до начала XIX в.», где дан адекватный очерк древнейшей истории Закавказья. Великая Отечественная война вызвала небывалый подъем патриотического чувства советского народа и тем самым еще более усилила интерес к прошлому — как близкому, так и далекому — родной страны.

Историки древнего Востока, эвакуированные в наши восточные республики, писали исследования, посвященные эпохе древности оказавшего им гостеприимство народа². Во время войны проводились камеральные работы над археологическим материалом³. Особенно ценным предметам посвящались специальные исследования⁴. Создавались большие исторические труды, построенные на вновь добытом археологическом материале⁵. История соседнего с нами Ирана привлекала внимание советских историков и в дни войны. Были исследованы надписи Дария I и Ксеркса, открытые незадолго до войны в Персеполе⁶. Была написана история древнего Ирана, являющаяся первой обобщающей работой, построенной на основе марксистско-ленинского метода⁷.

Исследования в области истории Ирана заставили историков древнего Востока снова обратиться к далекому прошлому Средиземноморья, столь тесно связанного с Ираном. Они приступили теперь к завершению тех своих работ, которые были начаты еще до войны и были на время прерваны.

Теперь был даже написан акад. А. И. Тюменевым общий труд, посвященный характеристике положения рабочей силы во всех без исключения древневосточных обществах. Автор приходит к выводу, что существенной специфической особенностью хозяйственного и общественного строя как Египта, так и древнего Двуречья, являлась самая широкая эксплуатация со стороны государства труда основной массы населения,

¹ Она была опубликована Армянской Академией Наук в 1944. См. рецензию В. В. Струве в ВДИ, 1946, № 1.

² См. ценное исследование по эпохе доклассового общества Узбекистана Л. А. Мацулевича, которое будет напечатано в трудах Узбекской Академии наук. К. В. Тревер написала первую научно-исследовательскую историю эпохи древности народов Узбекистана. Этот труд будет опубликован Гос. Эрмитажем. См. также В. В. Струве, Родина вораостризма, «Материалы по истории талжигов и Таджикистана», Сборник 1-й, 1945, стр. 3 сл.; о н же, Поход Дария I на саков-массагетов, ИАН, сер. ист. и фил., III (1946), №3, стр. 23 сл.; о н же, Новые данные об истории Армении, засвидетельствованные Бехистунской надписью, ИАН Армянской ССР, Общественные науки, 1946, № 8, стр. 31 сл.

³ М. Е. Масон продолжал издание результатов своих раскопок в Термезе в дальнейших томах серии «Термезская комплексная археологическая экспедиция».

⁴ См. талантливое исследование Г. В. Церетели, A bilingual inscription from Ataza near Mcheta in Georgia, «Бюллетень Института языка, истории и материальной культуры им. Н. Я. Марра», XIII, 1942; В. И. Абаев, Вокруг Армазской билингвы, «Сообщения АН Грузинской ССР», V, 1944 № 8.

⁵ Кроме вышеуказанных трудов Б. А. Куфтина и Б. Б. Пиотровского следует назвать монументальный труд С. П. Толстова об истории древнего Хорезма, восстановленной по существу на основании материала руководимых им археологических экспедиций.

⁶ В. В. Струве, Надпись Ксеркса о дэвах и религии Ахеменидов, ИАН, сер. ист. и фил., 1944, № 1; В. И. Абаев, Антидэвовская надпись Ксеркса (сборник «Иранские языки», I, 1945, стр. 134 сл.; о н же, Надпись Дария I о сооружении дворца в Сузах, там же, стр. 127 сл.

⁷ Печатающаяся ныне книга М. М. Дьяконова, История Ирана с древнейших времен до арабского завоевания.

положение которого вследствие этого было близко к настоящему рабству¹. Может быть, для такого обобщающего труда еще не наступило время, ибо необходимой предпосылкой для успешного его выполнения является детальное и кропотливое исследование производственных отношений не только каждого древневосточного общества в отдельности, но и каждой эпохи в истории развития последнего. Поэтому советские историки древнего Востока продолжили работу над исследованием документов хозяйственной отчетности эпохи III династии Ура, доказывающих, что в Южном Междуречье в конце III тысячелетия до н. э., действительно существовал рабовладельческий строй².

Вернувшийся с фронта И. М. Дьяконов написал монографию по истории развития земельных отношений в Ассирии как важнейшей стороны социально-экономических отношений в этом обществе. Тем самым молодой советский ассириолог заполнил весьма досадную лауну в советской историографии, которая до этого обращала слишком мало внимания на историческое развитие общества Ассирии³.

Ю. Я. Перепелкин завершил в конце 1946 г. свое замечательное исследование, посвященное положению непосредственных производителей в хозяйстве вельмож Древнего царства в Египте. Ему удалось на основании вдумчивой интерпретации чрезвычайно трудных для понимания надписей гробниц египетской знати того времени доказать, что положение людей, работавших в хозяйстве последней, было весьма близким к положению тех работников, которые трудились в царском хозяйстве эпохи III династии Ура в Южном Междуречье⁴. С работой Ю. Я. Перепелкина перекликается исследование Н. М. Постовской «Возникновение государственного аппарата в Древнем Египте». Общественный строй Среднего царства изучался также и В. И. Авдиевым в его большой работе, посвященной предпосылкам военной политики Египта эпохи XVIII династии⁵.

Вернувшийся из армии И. С. Кацнельсон закончил начатую им до войны монографию, посвященную возникновению государства в древней Нубии, в которой он пытается проследить особенности ее исторического развития с архаической эпохи до второй половины VIII в. до н. э.⁶

Другие исследователи обращали свое внимание на изучение надстроечных явлений древневосточных обществ. Так, язык и письмо древнего Египта стали предметом исследования М. А. Коростовцева⁷. В области истории религии древнего Востока следует отметить ценный труд акад. Н. М. Никольского, посвященный древнееврейской и финикий-

¹ Работа акад. А. И. Тюменева сдана в Издательство АН СССР. См. пока «Рефераты научно-исследовательских работ за 1944 г. по Отделению истории и философии», стр. 61.

² В. В. Струве, Общественный строй Южного Междуречья в эпоху III династии Ура 2132—2024 г. до н. э. Статья будет напечатана в сборнике АН СССР, посвященном тридцатилетию победы Октябрьской революции.

³ И. М. Дьяконов свою монографию «Развитие земельных отношений в Ассирии» успешно защитил в качестве своей диссертации летом 1946 г. в Институте востоковедения АН СССР.

⁴ Необходимо названное исследование Ю. Я. Перепелкина срочно напечатать.

⁵ В. И. Авдиев защитил названную свою работу в 1944 г. в качестве докторской диссертации.

⁶ Названная монография является диссертацией И. С. Кацнельсона, защищенной им в МГУ в июне 1947 г.

⁷ Обстоятельная, оригинальная монография М. А. Коростовцева была им защищена как докторская диссертация, в МГУ в 1943 г.

ской религии на основании исследования сравнительно недавно открытых текстов из Рас-Шамра¹.

Ю. П. Францов исследовал пережитки первобытности в египетской религии в своей работе «Фетишизм», вышедшей в 1940 г.

И. М. Лурье пытался, продолжая свое изучение древнеегипетского права, разрешить в обстоятельной работе вопрос о месте древнеегипетского права в истории права древнего мира и тем самым установить значимость юридической мысли Египта в истории цивилизации². Значение египетского искусства в мировой истории искусства стремились определить в двух монументальных исследованиях В. В. Павлов³ и М. Э. Матье⁴.

Лучший знаток памятников узлового периода в истории древнего Египта—периода Амарны, Ю. Я. Перепелкин заканчивает свой долгодлительный труд, устанавливающий на основании данных палеографии, эпиграфики и лексики последовательность недатированных надписей солнцепоклоннического Египта. Только после опубликования этого в подлинном смысле слова выдающегося исследования советского египтолога станет на эффективную базу изучение эпохи царя-еретика и его преемников. Появления этого труда ждут с нетерпением у нас и за рубежом⁵.

Видный специалист в области истории материальной культуры древнего Востока Н. Д. Флиттнер в последние годы работает над большим исследованием, посвященным культурным взаимосвязям Египта и Персидской Азии.

Труды Н. Д. Флиттнера, а также и других вышеперечисленных историков свидетельствуют о той интенсивной работе, которая ведется у нас в самое последнее время над изучением как производственных отношений, так и надстроечных явлений древневосточных обществ. Не менее интенсивным является теперь, в годы после победоносной войны, археологическое изучение древневосточных культур в пределах нашей страны.

Самыми многообещающими, пожалуй, являются раскопки, руководимые М. Е. Масоном, городища Несы около Ашхабада, местонахождения столицы великого Парфянского государства, которое упорно и успешно воевало с грозным Римом. Работы 1946 г. археологической экспедиции проф. Масона достигли слоя парфянской культуры, и мы имеем полное основание предполагать, что раскопки под его опытным руководством существенно обогатят науку и заполнят столь мало известную историю Парфянской державы новым и ценным содержанием⁶.

С. П. Толстов возобновил свои археологические изыскания в области Хорезма, которые открыли науке забытую историю далекого прошлого Узбекистана. Экспедиция 1946 г. увенчалась новыми успехами и еще более

¹ Некоторые главы труда акад. Н. М. Никольского были напечатаны в ВДИ, который снова стал выходить в 1946 г.

² Свою работу «Очерки истории древнеегипетского права времени Нового царства» И. М. Лурье защитил в Институте востоковедения АН СССР как свою докторскую диссертацию.

³ Большой труд В. В. Павлова «История древнеегипетского портрета», является расширенным и углубленным исследованием тематики, изученной им в его книге 1937 г. «Скульптурный портрет в древнем Египте». Свой большой труд В. В. Павлов защитил в 1943 г. в МГУ как докторскую диссертацию.

⁴ Первая часть обстоятельной монографии М. Э. Матье «Фиванское искусство XXI-XV веков» была напечатана в 1941 г. Гос. Эрмитажем в серии «История искусства древнего Востока», Содержание ее посвящено изучению искусства Среднего царства. Свою монографию в целом ее объеме М. Э. Матье защитила в 1946 г. в Институте востоковедения АН СССР как докторскую диссертацию.

⁵ Согласно сообщению М. А. Коростовцева из Каира, английские египтологи чрезвычайно заинтересовались исследованием Ю. Я. Перепелкина.

⁶ Отчет М. Е. Масона об его открытиях 1946 г. будет напечатан в КСИИМК.

расширила и углубила наши знания о древней истории Хорезма. Наиболее примечательным результатом экспедиции было сенсационное открытие многокрасочных фресок, украшавших стены одного из раскопанных хорезмийских дворцов¹.

В Закавказье также возобновились повсеместно те раскопки, которые до войны начали исторгать из небытия древнюю историю этой части нашей родины. Б. Б. Пиотровскому удалось найти во время раскопок 1946 г. в Кармир-блуре обломки нескольких глиняных табличек с урартийской клинописью. Эта находка дает нам основание для надежды, что на долю археологической экспедиции, руководимой Б. Б. Пиотровским, выпадет великое счастье открытия в дворце урартийского наместника нашего Закавказья первого древневосточного архива, найденного в СССР².

В Азербайджане, в Минчегауре, возобновились начатые до войны раскопки. Здесь был открыт некрополь, сохранивший свое значение, начиная с начала эпохи бронзы и кончая парфяно-римским временем. Мы находим в раскапываемом некрополе наслоение трех типов погребений: кувшинных погребений, грунтовых погребений скорченных костяков и грунтовых погребений вытянутых костяков³.

Б. А. Куфтин возобновил свои плодотворные археологические изыскания. Он обследовал северо-западную часть Грузии и пришел к выводу, что в этом районе им открыты погребения эпохи возникновения металлургии в Грузии, датируемой им на основании параллельных памятников Южного Междуречья и Египта концом III тысячелетия до н. э.

Мцхетская археологическая экспедиция под общим руководством акад. С. Н. Джанашиа возобновила свою деятельность и обнаружила на горе Багинети новую, очень богатую и интересную гробницу. В ней было найдено большое количество золотых и серебряных предметов значительной художественной ценности. Здесь имеются и эпиграфические памятники. Вообще инвентарь гробницы представляет большой научный интерес не только для историков, археологов, этнографов и лингвистов Грузии и Кавказа, но и для тех исследователей, которые сделали предметом своего изучения эллинистическо-парфянский Восток в целом. По мнению С. Н. Джанашиа, вновь открытая гробница датируется первой половиной III в. н. э. и таким образом уточняет наши знания о «дофеодальном периоде» истории Грузии⁴.

Столь большие успехи наших археологических исследований древневосточных городищ на территории СССР свидетельствуют о большом опыте, глубоких знаниях и творческом таланте советских археологов. Мы имеем поэтому полное право утверждать, что вышеперечисленные руководители археологических экспедиций и их ученики поддержат достоинство советской науки и при раскопках древневосточных городов и некрополей за рубежом. Мы имеем теперь после нашей победоносной войны все основания полагать, что в ближайшее время сбудется мечта пламенного патриота Б. А. Тураева, и археологические экспедиции нашей страны получат возможность производить изыскания в Передней Азии и Египте

¹ Дворец, украшенный фресками, был расположен в Топрак-кала, на правом берегу Аму-Дарьи, в районе Накуа (Кара-Калпакия). Отчет С. П. Толстова будет опубликован в трудах Ин-та этнографии АН СССР.

² Б. Б. Пиотровский познакомил меня с найденными им в Кармир-блуре памятниками урартийской письменности, и я приношу ему здесь мою благодарность.

³ Я обязан сообщением об этих раскопках обстоятельному отчету докторанта Ин-та востоковедения АН СССР З. И. Ямпольского, который в них принимал и принимает участие. Я приношу ему мою благодарность за это сообщение, а также за сообщение о раскопках 1946 г. Б. А. Куфтина и акад. С. Н. Джанашиа.

⁴ Оно опубликовано в тбилисской газете «Заря Востока» от 8/X 1946 г. Я цитирую по вышеуказанному сообщению З. И. Ямпольского.

и благодаря их результатам советские историки древнего Востока еще выше поднимут уровень нашего востоковедения.

Еойна, в которой Советский Союз спас мир от ужаса фашистского ига, приблизила наше мировоззрение, нашу науку ко всем тем, которые за рубежом мечтают о полной победе во всем мире прогрессивных сил. Интенсивная работа советских историков древнего Востока, открытия советских археологов доказывают прогрессивной общечеловечности всех стран со всей определенностью, что в СССР созданы наилучшие условия для свободного развития и расцвета науки, тогда как в некоторых буржуазных государствах милитаризация грозит развитию науки¹.

Советские ученые всех специальностей должны в настоящий ответственный момент всемерно стремиться к укреплению связей с теми зарубежными учеными, которые борются против использования науки для планов завоевания мирового господства. Также и советские историки древнего Востока должны быть в контакте с теми товарищами по специальности за рубежом, которые видят в науке мощное средство для прогресса человечества. Советские египтологи, ассириологи и т. д. должны откликаться на подлинные научные достижения в буржуазных странах, и в первую очередь в странах Востока. В настоящее время, когда Индия установила непосредственные сношения с Советским Союзом, долг советских историков древнего Востока посвятить ряд исследований замечательным открытиям индийских ученых в долине Инда².

Ряд советских ученых, как акад. И. Ю. Крачковский, акад. И. А. Орбели, член-корреспондент АН СССР А. А. Фрейман и др., входят в состав Иранской Академии Наук, и это обстоятельство обязывает советских историков древнего Востока уделять должное внимание достижениям археологической науки в соседнем нам Иране. Первое место по значимости для истории эпохи древности Ирана принадлежит открытиям ценнейших письменных памятников в столице Ахеменидов Персеполе³. К сожалению, новые персепольские надписи Дария I и Ксеркса еще в недостаточной степени проанализированы в советской историографии⁴. Еще не сделаны все выводы из фрагментированной надписи у могилы Дария I, которая была составлена на древнеперсидском языке, но написана арамейским алфавитом⁵. В Персеполе же были раскопаны архивы эпохи Дария I и Ксеркса, содержавшие десятки тысяч клинописных табличек на аламском языке, посвященные отчетности большого хозяйства двух на-

¹ См. статью М. Рубинштейн, Милитаризация науки в Соединенных Штатах, «Новое время», 1947, № 15, стр. 9 сл.

² Пока мы имеем только одно самостоятельное исследование В. В. Струве, посвященное вновь открытой письменности древних городищ долины Инда. Автор пытается уточнить результаты дешифровки этих древнейших индийских надписей, предложенной чешским ученым Б. Грозным (см. ВДИ, 1940, № 2, стр. 15 сл.). Небольшое исследование В. В. Струве будет опубликовано в сборнике Института востоковедения, посвященном вопросам истории и культуры Индии. В наших журналах, и в первую очередь в ВДИ, мы имеем ряд обзорных статей, посвященных археологическим открытиям в долине Инда—статья А. В. Мишулина, И. Л. Снегирева и др.

³ См. обзор результатов раскопок в Персеполе у Е. Ф. Schmidt, The treasury of Persepolis and other discoveries of the Achemenians («Сообщения Восточного Института Чикагского Университета», № 21 (1939)).

⁴ Кроме работ, перечисленных выше в прим. 6, стр. 35, следует указать еще на статью А. А. Фреймана, ВДИ, 1940, № 2, стр. 126 сл. и Л. Ельницкого, там же, стр. 168 сл. Недавно сравнительно изданная вторая большая надпись у гробницы Дария I легла в основу исследования В. В. Струве «Отражение у Геродота политической литературы западного Ирана времени Дария I». Работа В. В. Струве будет напечатана в одном из номеров ВДИ.

⁵ См. пока исследования В. В. Струве, Реформа письма Дария I, которое будет печататься в сборнике Ин-та востоковедения АН СССР, посвященном юбилею акад. И. Ю. Крачковского.

званных царей¹. Эти вновь открытые документы дадут возможность решить проблему о производственных отношениях иранского общества эпохи первых Ахеменидов, и они поэтому властно требуют от советских ученых возобновления эламских штудий, столь блестяще начатых в свое время Н. Я. Марром².

В Ираке и в Сирии раскопки последних лет до второй мировой войны дали основание для коренного пересмотра той хронологической системы истории Передней Азии, которая была господствующей еще в 1940 г. Перед советскими исследователями стоит поэтому сейчас ответственная задача перестроить, опираясь на новую хронологию, древнюю историю Передней Азии III и II тысячелетий до н. э. и согласовать ее с историей Египта, хронология которого осталась по существу без изменений³.

Другой неотложной задачей, которую должны решить советские историки, является закрепление и продолжение начатой акад. Н. М. Никольским работы над исследованием древней финикийской письменности, раскопанной в Рас-Шамра. Наши центральные университеты МГУ и ЛГУ, а также Ин-т востоковедения АН СССР должны подготовить молодых историков и филологов, специализирующихся в этой новой семитологической дисциплине⁴.

Что касается Египта, то здесь советская наука о древнем Востоке должна воспользоваться пребыванием в Египте доктора исторических наук М. А. Коростовцева и с его помощью принять участие в разработке интересного материала, добываемого послевоенными раскопками в Танисе французского египтолога Монтэ. Подобные научные предприятия сближат наших советских египтологов не только с европейскими исследователями древней истории и культуры страны пирамид, но и с египетской общественностью, которая обращает теперь большое внимание на великое прошлое своей страны. Среди современных египтологов представители египетского народа занимают далеко не последнее место.

Советские египтологи должны в текущем году отметить столетие двадцатипятилетия одного крупного научного события, а именно, рождения египтологии. Столетию двадцатипятилетия прочтения Ф. Шамполлионом иероглифических надписей древнего Египта найдет в среде советской общественности живой отклик. В сентябре 1922 г. праздновался столетний юбилей блестящего открытия гениального французского ученого. Он был тогда ознаменован торжественным заседанием в Академии Наук, с докладами специалистов, посвященными истории египтологии⁵, и египтологическим съездом, организованным в Москве⁶. Появились статьи, дававшие оценку выдающемуся открытию Шамполлиона⁷. В 1947 г. И. С. Кацнельсон подготовил издание хранящейся в советских книгохранилищах пере-

¹ Эти эламские документы хозяйственной отчетности архивов Персеполя свидетельствуют с несомненностью о том, что разговорным языком в Персеполе еще во время Дария I и Ксеркса был эламский язык.

² О ценности сведений, которые дают нам эти эламские документы, свидетельствует ряд исследований 1946 и 1947 гг. А. А. Фреймана о древнеперсидском календаре, покоящихся на свидетельствах указанных текстов.

³ См. пока работу В. В. Струве, Новая датировка I вавилонской династии, ВДИ, 1947, № 1.

⁴ Заведующий семитологической кафедрой восточного факультета ЛГУ доктор филологич. наук проф. И. Н. Винников уже приступил к подготовке специалистов в области письменности, открытой в Рас-Шамра.

⁵ Докладчиками выступали В. В. Струве, Н. Д. Флиттнер, И. Г. Франк-Каменецкий и А. В. Шмидт.

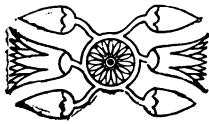
⁶ См. отчет о съезде во II томе журнала «Новый Восток».

⁷ Статьи и брошюры Т. Н. Бороздиной, В. В. Струве, И. Д. Флиттнера и И. Г. Франк-Каменецкого.

писки Ф. Шамполлиона со знаменитым А. Н. Лениным, которое было начато другим молодым египтологом В. А. Мачинским, погибшим смертью героя в Великой Отечественной войне¹.

Отдавая должное всему ценному и достойному в зарубежной научной жизни и стремясь укрепить связь с прогрессивной частью буржуазных ученых, советские историки древнего Востока должны вместе с тем подвергать всесторонней критике современные реакционные общественные теории, распространенные в буржуазных странах. Империализм некоторых крупных капиталистических государств мобилизует в настоящий момент все силы международной реакции против демократии, против прогрессивных сил, окрепших в результате победоносной войны против фашистской Германии и империалистической Японии. Поэтому и важнейшей задачей советской общественной науки на современном этапе является изобличение реакционной буржуазной социологии с помощью марксистско-ленинской науки об общественном развитии.

Под знаменем марксистско-ленинских идей, творчески проработав доступные источники на основе научной методологии, советские историки древнего Востока установят подлинные пути развития изучаемых ими обществ, оторванных от современности пропастью тысячелетий. Они заполнят конкретным содержанием историю этих древних обществ, общие закономерности развития которых были намечены теми гениальными учеными, которые указали человечеству путь к коммунистическому обществу.

¹ Статья В. А. Мачинского была опубликована в «ПИДО», 1934 № 4,, стр. 72 сл. Здесь были изданы одно письмо Ленина и 4 письма Шамполлиона. Одно из вновь найденных писем появилось в ВДИ № 2 за 1947 г.